

*Там где кончается
асфальт*

Белова Любовь

Любовь Белова

Там где кончается асфальт

«Автор»

2026

Белова Л.

Там где кончается асфальт / Л. Белова — «Автор», 2026

Одна случайная встреча способна изменить всё. Один взгляд — заставить сердце биться чаще. Одно мгновение — разделить жизнь на «до» и «после». Ксюша потеряла отца и осталась одна против целого мира. Саша готов был пройти через всю страну, чтобы найти её снова. Но судьба, как назло, любит запутывать следы: чужие тайны, несказанные слова, случайные совпадения и люди, которым нельзя доверять. Два мотоцикла. Два одиночества. Одна дорога. Смогут ли они встретиться на этом пути? Или кто-то третий уже всё решил за них? История о любви, которая не спрашивает разрешения. О боли, которая делает нас сильнее. И о выборе, который приходится делать, даже когда кажется, что выбора нет.

© Белова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Там где кончается асфальт

ПРОЛОГ

Я стояла на обочине пустой трассы. Машин было мало — для такого позднего часа это обычное дело. Последняя затяжка — я не курила со школы, но тогда начала снова. Теплое свечение сигареты добралось до фильтра, и я смотрела на этот крошечный огонёк, мой единственный свет в эту смольную ночь. Бросила бычок и затушила ботинком — и вдруг почувствовала себя им: выжатой до предела, втопанной в холодный сырой асфальт. Глубокий вдох. Внутри — пожар, хотелось кричать... но я молчала. Прислонилась к холодному баку мотоцикла и сломалась. Впервые за год я заплакала — навзрыд, прокашливаясь, с рёвом, будто мой двигатель заглох навсегда. Слёзы текли по щекам, затекали под шлем, смешивались с потом. Я редела, как раненое животное, и плевать мне было, услышит ли кто. Станет ли мне легче? Не знала. Но остановиться не могла.

– Эй, привет. Всё нормально?

Он появился внезапно — мотоциклист в чёрном шлеме, на чёрном мотоцикле. Протянул кулачок для приветствия. Не видел, как под моим шлемом красные глаза выдавливают последние слёзы. Я слабо стукнула ему в ответ, проглотила ком в горле и отключила всё, кроме тишины. Даже не взглянув, подняла голову на чёрное небо. Луна не плыла — она цеплялась за рваные облака. Свет вырезал из темноты то ржавый дорожный знак, то оскал отбойника. Даже звёзды прятались — только одна, самая упрямая, сверлила чёрное полотно неба, будто пыталась предупредить.

– Да, всё хорошо. Надеюсь, дождя не будет.

– Понятно. Ну, если что — я рядом.

Как он меня заметил? Я была невидимкой в темноте. Повернулась — и сердце пропустило удар. На его шлеме — та самая наклейка: два сердца... и чёрная красавица, такая же, какой я её помню, не разбита. Он уже уезжал, медленно набирая скорость.

– Это ты... — прошептала я, но было поздно.

Центральный проспект. На нём всегда много машин — восьмиполосная дорога с ярким, почти театральным освещением. Фонари горели ровными рядами, и их свет заливал асфальт холодной желтизной. Я стояла у окна, прижавшись носом к стеклу, и вздыхала — глубоко, прерывисто, по-детски. Вдыхала в надежде, что вот сейчас, прямо сейчас, из-за поворота вырвет знакомая чёрная машина, и я увижу, как папа паркуется у подъезда. Я уцеплюсь ему за шею, обхвачу руками и ногами, как маленькая обезьянка, и постараюсь как можно дольше не отпускать.

Машины пролетали мимо — одна за другой, чужие, равнодушные. Нянечка в пятый раз набирала его номер, и в пятый раз в трубке висела тишина гудков. Она украдкой поглядывала на меня — я чувствовала её взгляд затылком, — и судорожно крутила прядь волос, наматывая на палец и снова отпуская. Я же наблюдала молча, метая взгляд с неё на проспект и обратно.

Ключ в замочной скважине провернулся. Я сорвалась с места и побежала к двери, сердце колотилось где-то в горле. Нянечка — быстрее, чем я ожидала, — потянула меня за кофту и прижала к себе. Когда мои плечи поравнялись с её бёдрами, она больно ухватила меня за плечи, сдавив пальцами так, что я чуть не вскрикнула. Я боялась нянечку. До дрожи. До холодного пота на ладонках. До желания стать невидимой.

Одна из форм её унижения: когда я не хотела есть её отвратительный на вид и запах суп — серо-зелёное месиво, плавающее в тарелке, как болотная жижа, — она вылила мне

его на голову. Горячее стекло по волосам, по лицу, затекало за шиворот. А потом она вмазала картошку мне в волосы — просто взяла и размазала, как будто так и надо. Когда неожиданно для неё вернулся папа, она сказала, что у меня отвратительное поведение и что это я сама на себя всё вылила. Я пыталась оправдаться, но детям никогда не верят. Особенно когда против них — взрослый, улыбающийся так сладко.

Отец перешагнул порог, и нянечка залебезила перед ним. Стала до тошноты милой и доброй, поглаживала меня по голове — теми самыми пальцами, которые минуту назад сжимали мои плечи до синяков, — и лепетала:

— Я уже начала беспокоиться, Валерий Иванович! Звонила вам, так долго не отвечали... Но где бы вы ни задерживались, я всегда рада присмотреть за Ксюшенькой. Мы так активно играли, что она даже не заметила, как вас долго не было!

Меня так разозлили эти слова — эти лживые, приторные слова, — что я просто вырвалась из её цепких когтей и влетела папе в ногу. Он пошатнулся, скинул ботинок и, смеясь, подхватил меня на руки. Поцеловал в лоб. Губы у него всегда были горячие — как чай с мёдом, — а щёки холодными с улицы. От него пахло морозом, одеколоном и чем-то родным, чему нет названия.

Он спустил меня на пол, сбросил пальто на плечики. Отец был для меня примером настоящего мужчины — добрым, отзывчивым, сильным. Однажды я слышала, как нянечка обсуждала его по телефону с подругой. Она описала его так: «Темноволосый, сексуальный, подтянутый, со строгим взглядом и — самое главное — богатый». Я даже не понимала тогда, что всё это значит. Но понимала только одно: она метит мне в матери. И она моей маме даже в подмётки не годится.

— Катя, ты свободна, можешь идти. Даю тебе на завтра выходной.

Она чуть собственной костью не подавилась. Замерла на секунду, а потом подошла ближе — слишком близко, — и поправила его галстук трясущимися пальцами.

— Но, Валерий... как же ты без меня справишься? — её голос стал вкрадчивым, почти интимным. — Не хочу покидать Ксюшу. Мы с ней так сблизились.

Папа бросил острый взгляд из-под бровей. Посмотрел на её руки — так близко зашедшие в его пространство. Она резко их отдернула и отшатнулась назад. Улыбнулась самой доброй улыбкой на свете. Улыбка была такая же притворная, как и она сама.

— Екатерина, мне кажется, вам пора домой. В кровать. Вы переутомились.

— А я считаю, что вы слишком милы со мной, — она понизила голос до шёпота, — и могли бы меня проучить за моё нахальство. В спальне.

Отец прикрыл глаза и провёл кончиками пальцев по лбу — я знала этот жест: он означал, что папа очень-очень старается сдержаться. Потом бросил взгляд вниз, на меня. На моём лице, наверное, было написано всё, что я о ней думаю. Он опустил на колено — так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, — и сказал мягко, но серьёзно:

— Ксюша, у тебя важная миссия. Посчитай у меня в кабинете, сколько карандашей в стаканчике. Только очень внимательно. Пересчитай два раза, чтобы не ошибиться.

Я знала, что это значит. Знала, что сейчас будет. Кивнула и убежала — но не в кабинет. Я села под дверью гостиной, прижав колени к груди, и вслушивалась. Я прекрасно знала, что потом он даже не спросит, сколько там карандашей. Он просто обнимет.

— Екатерина, вы меня, кажется, совсем не поняли.

— Валера, всё, я поняла! — она перебила его, всё ещё играя.

— Ты уволена.

— Мы играем в строгого начальника и красивую работницу? — в её голосе послышалась неуверенность.

— Мы не играем. — Голос отца оставался тихим, бархатистым, но в нём появилась сталь. — Завтра мой водитель приедет и отдаст тебе соглашение о расторжении. Мне не нужна подчинённая, которая пытается завести со мной роман и, в добавок, плохо обращается с ребёнком.

Сегодня я наконец-то нашёл хорошую няню. Повторюсь: ты уволена. Ты думала, я не узнаю, что ты сделала?

В гостиной повисла тишина. Я слышала, как она судорожно вздохнула — раз, другой. Потом шаги — быстрые, злые. Хлопнула входная дверь.

Я всё ещё сидела под дверью, когда папа вышел в коридор. Он не спросил про карандаши. Он просто опустился рядом со мной на пол — прямо в костюме, прямо на холодный паркет, — и обнял. Крепко. Надёжно.

— Я тебя ей больше не отдам, — прошептал он мне в макушку. — Прости, что не заметил раньше.

— Ты заметил, — я уткнулась носом в его плечо. — Ты всегда замечаешь.

— Умница моя.

Мы сидели так долго — может, минуту, может, час. За окном всё так же шумел проспект, летели машины, горели фонари. А здесь, на полу в коридоре, было тихо и спокойно. И пахло папой. И ничего больше было не нужно.

Мой мотоцикл замурчал нехотя, будто говорил: «Не догоняй». Но я обязана. Я знала: если он исчезнет сейчас — на этот раз навсегда. Я рванула вперёд, ввинчиваясь в ночь. Двигатель рычал, передачи щёлкали тихо, но я чувствовала каждую — будто костяшки домино падали у меня в груди. Первая, вторая, третья, четвёртая, пятая... до шестой. Как жаль, что их всего шесть.

Красный огонёк впереди медленно приближался. Я даже не смотрела на спидометр, но мельком заметила — стрелка замерла далеко за 180. Ветер бился в шлем, как пленник, пытаясь вырвать мои мысли. Я легла на бак, сливаясь в единое целое со своим мотоциклом. Но он, предатель, будто не спешил. Тогда я перехватила ручку газа — и мы рванули вперёд, как пуля.

— Я догоню тебя...

Огонёк рос. Вот уже виден контур его шлема, его плечи, его чёрный мотоцикл. Я поравнялась, зная, что он смотрит на меня сквозь тёмное стекло. Повернула голову — и услышала его голос внутри себя, будто он говорил прямо в душу:

— Сбавь скорость.

Он волновался? Нет, это было что-то другое.

— Сбрасывай! — он резко махнул рукой, указывая вперёд.

Я едва успела среагировать — впереди колонна фур. Одна шла на обгон. Всё замедлилось: моя жизнь, дыхание, даже сердце. Я сбросила газ, но было поздно — мы всё ещё летели вперёд. Чёрный мотоцикл резко вынырнул передо мной и жестом приказал: «За мной».

Я, как загипнотизированная, повторяла его движения. Он юркнул меж двух фур — я следом. Металл ревел в сантиметрах от коленей. Воздух сжался в узкую щель, и время замерло. Водители фур, наверное, даже не поняли, что произошло.

А потом... его снова не стало. Он растворился в темноте.

Через пару километров я свернула на обочину. Ноги не слушались — я трижды промахнулась, пытаюсь зацепить подножку. Когда наконец слезла, руки тряслись так, что я едва удержалась на ногах. Сердце колотилось, будто хотело вырваться из груди. Я никак не могла отдышаться, будто бы бежала рядом с мотоциклом. Сорвала шлем. Глотнула воздух — он обжёг лёгкие холодом. Опустилась на асфальт, чувствуя, как холод проникает сквозь кожу.

И тогда, сквозь шум в ушах, я снова услышала его голос — будто он стоял рядом. Но это был мой собственный внутренний голос, и он звучал с беспощадной честностью:

— Ты меня никогда не догонишь.

Ветер стих.

— И не стремись к этому.

Я сидела на холодном асфальте, и в глазах плыли чёрные пятна — то ли от перегрузки, то ли от стыда. Как же я довела себя до этого? Я, которая кричала: «Не гоните, это же самоубийство!» — только что выжимала последние обороты, проскочила меж двух фур на скорости, от которой даже асфальт плавился. Какая же я лицемерка.

Небо вспыхнуло синим — на секунду стало светло, как днём. Гром разорвал тишину, будто кто-то свыше рассмеялся мне в лицо. Первая капля упала на мотоцикл, на мои руки, на моё запрокинутое к небу лицо. За ней — вторая, третья. Через минуту ливень обрушился стеной, смывая слёзы, пот и отчаяние. Я сидела под этим ливнем, промокая до нитки, и не двигалась. Может, так и надо. Может, этот дождь смое всё — боль, страх, воспоминания. Может, завтра я проснусь и смогу дышать.

А где-то там, в темноте, исчез чёрный мотоцикл. Реальный или нет — я уже не знала. Но он был. Он точно был. И он сказал: «Не стремись догнать».

ГЛАВА 1

Я часто смотрела в панорамное окно на город – раньше это был просто вид, привычный и уютный, один из ярких моментов, после которых все вдруг стало таким мрачным, картонным и притворным, будто мир натянул на себя чужое лицо. Та ночь запомнилась мне каждой секундой. Я сидела на подоконнике, полностью разбитая, обессиленная слезами, которые, казалось, вымыли из меня всё, оставив только гулкую пустоту. Дорога внизу была абсолютно пустой – ни машин, ни людей, только желтые огни фонарей дрожали в лужах недавнего дождя. И где-то там, в этой тишине, сначала едва уловимо, а потом всё ближе и ближе, послышался низкий утробный рев. Я подумала, что машина, какая-нибудь запоздавшая легковушка, но из-за поворота вылетел мотоцикл – мощный, блестящий, с одинокой фигурой в седле.

Парень за рулём, казалось, проживал свою самую лучшую, самую ослепительную жизнь. Он вдруг отпустил руль, раскинул руки в стороны, словно собираясь обнять весь ночной воздух, и так, играя с судьбой, катился вперед по пустому проспекту. Затем плавно опустил руки и поднял голову вверх — прямо к моему окну, будто заглянул мне в самую душу, будто знал, что я здесь, за стеклом, разбитая и потерянная. Сердце на секунду замерло. А потом он снова взялся за управление, легко и уверенно, и мотоцикл, взревев на прощание, стремительно скрылся по длинной улице, растаял где-то там, в недостижимой свободе, куда мне никогда не добраться.

Я даже не заметила, как со спины ко мне бесшумно подошел отец. Мои плечи дрогнули от неожиданности, когда его большая теплая ладонь легла мне на макушку и ласково потрепала волосы – я не сразу услышала его шаги, слишком глубоко была в своих мыслях.

– Мне иногда кажется, ты видишь то, чего никогда не сможет увидеть никто, – произнес он задумчиво, и в его голосе прозвучала такая щемящая нежность. – Ты в этом очень похожа на маму.

Я хотела обернуться, но не успела.

Утром я проснулась всё на том же жестком подоконнике, щекой прижимаясь к холодному стеклу. Тело затекло, шея болела, а в голове стоял странный туман – тяжелый, вязкий, не дающий мыслить ясно. Я медленно обошла всю квартиру, заглянула в каждую комнату, но папы нигде не было. Лишь гулкая, неестественная тишина стояла в стенах, пропитывая их невидимой тоской. И вдруг, без предупреждения, словно кто-то безжалостно сдернул защитную пелену, до меня дошли воспоминания. Папа умер. Его больше нет. Я никогда его не увижу. Никогда не услышу его шагов, его спокойного голоса, не почувствую, как он треплет мои волосы своей тяжелой рукой. Квартира сразу стала казаться бесконечно пустой и чужой, меня с головы до ног пробила волна колких мурашек. Что мне теперь делать? Как вообще можно дышать, когда мир лишился такой важной своей части?

Я вышла в центр гостиной и просто опустилась на пол. Не знаю, сколько просидела – может, минуту, может, час, а может, целую вечность. Я не плакала, слезы будто высохли внутри, превратившись в ту самую пустоту. Просто сидела и бессмысленно рассматривала узор на ковре. Внезапно замок входной двери провернулся, но звук был совсем не таким, как всегда. Когда возвращался отец, он всегда начинал с верхнего замка, потом щелкал нижним – я знала этот ритм наизусть, как музыку родного дома. А сейчас всё было иначе – значит, у того, кто входил, были свои ключи. Дверь тяжело отворилась, и раздался до боли знакомый голос:

– Ксюша.

– Бабушка.

Я на негнущихся ногах подошла к ней и просто обмякла в её руках, ощутив исходящее от неё тепло, смешанное с запахом каких-то старых духов и сухих трав. Она была единственным

человеком на свете, кто понял бы мою боль без слов. Мы так и просидели в тишине пару часов — просто прижимаясь друг к другу, и её сухая ладонь безостановочно гладила мою спину, будто пытаюсь удержать меня в реальности. Потом я отстранилась и впервые за эти дни настоящему взглянула на неё. Бабушка всегда казалась мне высеченной из камня — строгой женщиной с живым огоньком в темных глазах и тяжелой, непробиваемой закалкой. Волосы, когда-то черные как самая глухая ночь, теперь серебрились сединой, заколотые в её привычный строгий пучок. Но сейчас в ней вдруг проявилось что-то беспомощное, глубоко спрятанное, и это испугало меня ещё сильнее. Я выдавила из себя, почти не узнавая собственного осипшего голоса:

— Что мне дальше делать?

Она чуть дрогнула, будто через всё её тело прошел электрический ток и кольнул прямо в самое сердце. В её глазах я на мгновение увидела тот же самый отчаянный вопрос, что мучил и меня. Но бабушка была сильной — куда сильнее, чем я могла себе представить. Она на глазах собралась с духом, и я поняла, что я и вполовину не такая стойкая.

— Не раскисай, разберемся. Ты взрослая, ты сильная, прямо как твой отец.

Я только шмыгнула носом и попыталась вяло улыбнуться, чувствуя, как внутри всё сжимается. Отец умер. Мой папа. Мне просто позвонили чужим равнодушным голосом — и мир в одну секунду обрушился, рассыпался на острые осколки, о которые я теперь бесконечно ранилась.

Следующий день оказался таким же серым и ужасным, как и предыдущий. Бабушка рано утром уехала на опознание, и, уходя, с тяжелым, надсадным вздохом сказала, что ей ещё предстоит заняться всей организацией — через пару дней должны состояться похороны. Я осталась одна в застывшей тишине квартиры, и та начала меня душить. Тогда я собрала маленькую сумочку и решила прогуляться. Лето только-только началось — яркое, наглое, совершенно несовместимое с моим горем, — и мне просто до боли хотелось хоть немного проветрить воспалённые, красные глаза. Я смертельно устала сидеть и смотреть в одну точку на стене, утирая ладонью слёзы, которые катились не переставая.

Мир снаружи нагло жил, пах нагретым асфальтом и цветущей липой, а вокруг шагали такие невыносимо счастливые люди, что надо мной, казалось, одной нависает личная грозовая туча. От нашего дома до набережной было километров пять, и я решила, что мне непременно нужно туда — к воде, к открытому пространству, куда угодно, лишь бы не задохнуться в четырёх стенах. Сначала я просто перебирала непослушными ногами, медленно, механически, но не заметила, как сорвалась и перешла на бег, почти летела, и разгоряченный воздух обжигал лёгкие. Я пыталась убежать, но то, от чего я спасалась, было неосознанным — оно сидело глубоко внутри, в самом сердце.

Я остановилась на пешеходном переходе, загнанно дыша, и уставилась на стремительно пролетающие перед лицом машины. Они сливались в одну ревущую полосу, и на долю хрупкой, опасной секунды я задумалась: а если я сейчас сделаю шаг, просто прыгну — что будет дальше? Будет ли больно? Успею ли я что-то понять? Внутренности скрутило ледяным ужасом, и я инстинктивно шатнулась назад, как от бездны. И в ту же секунду мне по затылку с силой прилетело чьим-то локтем — резкая вспышка боли мгновенно выдернула меня из оцепенения.

Я зачем-то посмотрела на тот угол дома, где ничего не было. Парень с телефоном — тот самый, что ударил меня локтем по затылку, — все еще стоял рядом. В его серых глазах мелькнула тень вины, но он быстро спрятал ее за маской раздражения.

— Осторожней, — бросил он, делая шаг назад.

Я не ответила. Загорелся зеленый, и я рванула вперед, пытаюсь сбегать от всего: от дурацкой боли в голове, от звона в ушах, от этого дня, который перевернул мою жизнь. Боковым зрением я заметила тень — машина летела на красный, даже не сбавляя скорость.

Я застыла. Тело перестало слушаться. В голове промелькнуло только одна мысль: «Ну вот и все, ну и правильно».

Но в следующий миг меня дернули назад. Сильно, до хруста в пальцах. Рука парня обхватила мое запястье, и я врезалась спиной в его грудь. Машина пронеслась в сантиметрах от меня, обдав горячим ветром.

Он выдохнул – там, у меня над ухом, – и я почувствовала, как бешено колотиться его сердце.

– Вот придурок, – процедил он, провожая машину взглядом, полный такой ненависти, что мне стало не по себе.

Я вырвалась. И сказала то, о чем тут же пожалела:

– Не нужно было.

Он резко повернулся. Его глаза округлились, а затем сузились. Он схватил меня под руку и потащил через дорогу. Я вырывалась, кричала, била его свободной рукой, но он не отпускал.

– Отпусти! Слышишь? Отпусти меня, придурок!

Он игнорировал меня, как назойливую муху. Перевел через дорогу, отдернул подальше от проезжей части, и только развернул к себе лицом.

– Ты дура что ли? – рявкнул он. Голос стал жестким, командирским, хотя в уголках глаз все еще дрожал страх. – А если бы он тебя сбил?!

– Ну и пусть. Значит, судьба такая.

Он замер. Посмотрел на меня так, будто я ударила его по лицу.

– Я тебя сейчас второй раз по затылку ударю, – сказал он тихо и очень зло. – Чтобы глупостей не говорила.

Вот тут я наконец разглядела его. Наконец-то. Темные растрепанные волосы, словно он вечно запускает в них руки. Серые, почти прозрачные глаза, в которых отражался блеск солнца. Кожа чуть загорелая, с легкой щетиной. Он был красив. Но в тот момент мне было плевать.

Я вырвала руку.

– А ты мне кто такой? – голос сорвался на нервный, дрожащий писк. – Чтобы, во-первых, бить меня, а во-вторых, отчитывать?

Глаза защипало от слез. Я ненавижу плакать. Тем более при посторонних. Тем более при нем.

Он схватил меня снова, уже мягче, но настойчивее, и подвел к скамейке. Усадил. Сам сел рядом, повернулся ко мне всем корпусом. Брови нависли над глазами — тяжелые, хмурые, как тучи. И вдруг его взгляд смягчился.

– Ты из-за того козла плачешь? – спросил он кивком на дорогу. – Не надо их много. Плакать будешь – писать потом не сможешь.

– Отстань. – Я оттолкнула его руку. – Не твоё дело, почему я плачу.

Он чуть наклонил голову, приглядываясь ко мне так, будто пытался прочитать что-то между строк. А я сдалась. Опустила голову, пряча лицо за растрепанными волосами, и дала волю слезам. Мне было все равно. Пусть видит. Пусть уходит.

Но он не ушел.

– Что случилось? – тихо спросил он.

Я вскинула голову. Зло. Вытирая слезы ладонью.

– Сколько раз мне повторить: от-ва-ли? Или не понятно?

Он прищурился, и в этом жесте было что-то неумовимо нежное. Словно он видел меня насквозь.

– Теперь нет, – сказал он спокойно. – Теперь я не отстану. Пошли, пройдемся. Ты мне выскажешься. Я чувствую, тебе это сейчас нужно.

– Ничего мне уже не нужно.

– Вставай давай, – он протянул руку. – А то раскисла. Пойдем. И кстати, как тебя зовут?

Я посмотрела на его ладонь. Что-то в нем заставляло меня подчиняться. Может быть, усталость. Может быть, отчаяние. Или просто невыносимое желание не оставаться одной.

– Ксюша.

– А я Саша, — он улыбнулся, и от этой улыбки на душе стало чуть теплее. — Приятно познакомиться, Ксюша, которая не хочет жить.

Он двигался уверенно, руки в карманах, иногда бросая на меня внимательные взгляды. Я же плелась рядом, чувствуя себя сломленной куклой.

– Рассказывай. — Он ткнул меня плечом. — Что такого случилось, что ты решила: лучше быть сбитой, чем жить дальше?

– Да так... — Я отвернулась. — Не хочу об этом говорить.

– А давай я угадаю? — Он щелкнул пальцами. — Парень бросил?

– Нет.

– Отец умер? — сказал это так буднично, с иронией, но я резко остановилась.

Он тоже остановился. Серые глаза расширились, когда он увидел мое лицо.

– Прости, — выдохнул он. — Я не знал.

Я закусила губу, чтобы снова не разреветься.

– Слышал о стрельбе в ресторане вчера? — спросила я, глядя в асфальт.

– Да, — кивнул он. — Там ревнивец пришел. Из охотничьего ружья. Трое погибших. Все новости трубили.

– Трое? — я подняла взгляд. — Кто-то еще?

– Охранник, хостес и посетитель — подтвердил он.

– Это был мой отец.

Я снова услышала тот голос из трубки. Охранник. Нервный, сбивчивый.

— Ксения Валерьевна... тут как сказать... Валерий Иванович... он защитил женщину. Смертельное ранение дробью. Мы не успели...

Ноги подкосились. Я опустилась на широкий мраморный подоконник у окна. Холод камня прошел сквозь тонкую домашнюю футболку.

– И ты решила, — Саша сел рядом, его голос стал тихим и ровным, — что валяться на дороге с переломами — это лучший выход? А как же мать? Она будет плакать.

– Мама умерла, когда я была совсем маленькой, — я не смотрела на него. — Осталась только бабушка. По папиной линии.

Он выругался тихо, сквозь зубы.

– Сурово тебя жизнь помотала, — сказал он после паузы.

– Да, — я горько усмехнулась. — Сурово.

Мы сидели в тишине. Я думала о маме, о которой почти ничего не помнила. Только альбом в папином кабинете. Ее золотистые волосы, моя копия. Она была красивая. Почему она ушла? Почему я должна была остаться одна?

– Хуже уже не будет, — вдруг сказал Саша.

Я повернулась к нему.

– Что?

– Хуже уже не будет. — Он пожал плечами. — Это я тебе как эксперт говорю. Дно пробито. Дальше — только вверх.

Я задумалась. Впервые за этот день мне показалось, что в этих словах есть правда.

Мы снова пошли. В переходе стоял пьяный дед, трясая пустой банкой.

– Смотри, — Саша кивнул на него. — У него нет ни семьи, ни будущего. А у тебя есть. Ты студентка?

– Экономический, — буркнула я.

– Скучно, — он скривился. — Давай безумный факт о тебе.

– Я неинтересная.

– Плохо. Мечта детства?
– Чтобы мама была жива.

– Ну... — он замялся. — Слишком грустно. Другая мечта? Что-то простое? Сахарная вата, мороженое, ролики?

Я на секунду задумалась. И вдруг поймала себя на том, что представляю себя ребенком. Папа вечно на работе, няня строгая. А я так хотела, чтобы кто-то взял меня за руку и повел в парк аттракционов.

– Ну... — я смутилась. — Мороженое. Сахарная вата. Аттракционы. Никогда не была.
Он резко остановился. Достал телефон, что-то быстро напечатал.
– Стой.

Через две минуты подъехало такси. Он открыл дверцу и кивнул мне.

– Ну? Садись.

– Куда? — я не двинулась с места. — Ты маньяк, да? В лес увезешь?

Он усмехнулся, и в этой усмешке промелькнуло что-то очень мальчишеское.

– В парк. Есть сахарную вату, мороженое и ужаснуться на аттракционах.

Через десять минут мы уже стояли у входа. Нам прикрепили браслеты «быстрый проход». Женщина-кассир, пожилая, с добрыми морщинками, улыбнулась.

– Хорошего свидания, красивая пара!

Я вспыхнула до корней волос.

– Мы не пара! — резко бросила я и шагнула через турникет.

Саша догнал меня, слегка запыхавшись.

– Кто-то засмутился? — его голос звучал насмешливо, но глаза светились теплом.

Я не ответила. Шла, чувствуя, как горят щеки. И вдруг поймала себя на мысли: «А ведь он мне нравится. Черт. Он совершенно незнакомый, он ударил меня по затылку, но он добрый. И красивый. Не думай. Это просто разрядка. Просто способ не сойти с ума. После сегодня — точка».

Мы поднялись на самую высокую горку. Сели в первую вагонетку. Работник со скучающим лицом проверил ремни и крикнул в шутку:

– Горка старая. В поворотах не наклоняйтесь, а то вылетим. С богом!

Я успела только шепнуть Саше:

– Шутник. Кто же поверит?..

Вагонетка поползла вверх. Скрип, толчки. Ветер. Чем выше, тем сильнее билось сердце. Резкий спуск. В ушах — свист, в животе — холод. Я закричала от восторга и ужаса одновременно. Повороты, наклоны, снова вверх, снова вниз. Рядом какой-то мальчишка надрывно кричал: «Мама, мы упадем!»

Но я не боялась. Рядом с Сашей было почему-то спокойно.

Мы вышли из вагонетки, смеясь. Его волосы растрепались ещё больше, глаза сияли.

– Запугали пацана, — усмехнулся он. — Тебе понравилось?

– Не страшно, — соврала я. На самом деле я дрожала.

– Пошли есть мороженое.

Мы сели за столик в кафе. Он выбрал для меня — угадал, черничное. Взял себе такое же.

– Зачем ты это делаешь? — спросила я, облизывая ложку.

– Что?

– Ну... это все. — Я обвела рукой парк. — Тратишь время, деньги. На незнакомую девушку.

– Во-первых, — он наклонился ближе, — я свободный человек. Делаю, что хочу. Во-вторых, считай это извинением. За то, что я тебя локтем ударил.

Он смотрел на меня. В его серых глазах плескалось что-то, чего я не могла разгадать. Но вдруг мне захотелось сделать безумную вещь.

Я придвинулась к нему ближе. Прямо через столик. Запустила пальцы в его темные волосы и поцеловала.

Губы его были холодные, со вкусом черники. Но в следующую секунду – обжигающе горячие. Его ладонь скользнула по моей щеке, углубила поцелуй. Сердце пропустило удар, а внутри разлилась такая волна тепла, что мне показалось – сейчас я вспыхну.

Я отстранилась, тяжело дыша.

Он смотрел на меня с немым удивлением.

– Что это было? – выдохнул он.

– Ну... во-первых, – я усмехнулась, копируя его интонацию, – я свободная женщина. Во-вторых, это благодарность за спасение.

Он усмехнулся. Но его глаза стали серьезнее. И мне показалось, что в них промелькнула искра, слишком горячая для простого «спасибо».

Дальше был еще аттракцион «Американские горки» в темноте, карусель, где я так сильно сжала его руку, что он рассмеялся. Мы катались на колесе обозрения, и я впервые за долгие годы смотрела на город не с тоской, а с восхищением.

– А о чем ты мечтаешь? — спросила я тихо, когда мы стояли у фонтана.

– О мотоцикле, – сказал он, глядя на воду. – Свобода, ветер, ночной город. Хочу прокатиться по набережной, когда никого нет.

– Хорошая мечта, — я улыбнулась. — Ты очень хороший человек.

Я хотела потянуться к нему, чтобы поцеловать снова, но стоять на цыпочках было неудобно.

Он заметил мою попытку и рассмеялся:

– Коротышка. Тебе хоть восемнадцать есть?

– Двадцать один, – фыркнула я. – А тебе?

– Двадцать.

Он наклонился и поцеловал меня сам. Легко, почти невесомо.

А затем сказал то, от чего у меня перехватило дыхание:

– Знаешь... я кажется влюбился. – Он отвел взгляд, словно ему стало стыдно. – Только что. Впервые в жизни я чувствую себя... родным с кем-то. Глупо звучит?

Я не успела ответить.

Завибрировал телефон. Бабушка.

– Алло, Ксюша! Ты где?! – голос звучал панически. – Я тебе уже три раза звонила! Нотариус через час! Я подъеду, где ты?

– В парке, – сказала я, чувствуя, как внутри все обрывается. – У театральной.

– Через десять минут буду! И ты одна там?

Я посмотрела на Сашу. Он стоял, засунув руки в карманы, и в глазах его плескалась растерянность. На губах – полуулыбка. Он что-то прятал за спиной.

– Я... я не одна, – ответила я в трубку. – Но я жду

Я сбросила звонок.

Саша вытащил из-за спины маленького плюшевого котенка в шляпе. Такого нелепого и милого одновременно.

– Держи. – Он вложил его мне в руки. – Чтобы ты улыбалась.

Я прицепила котенка на сумку. Улыбнулась. Мне хотелось плакать. От счастья. От боли. От того, что этот вечер был таким коротким.

– Мне скоро уезжать, – выдохнула я. – Спасибо тебе. За все. За этот день.

Я развернулась и пошла к выходу.

Черный Range Rover уже ждал

ГЛАВА 2

Я смотрел ей вслед и не мог отвести взгляд – она уходила, а внутри что-то сжималось всё сильнее, до щемящей, почти физической боли. Она такая милая, такая непохожая на всех, кого я встречал раньше, и было в ней что-то такое, что невозможно объяснить словами – что-то хрупкое и одновременно сильное, надломленное, но не сломленное до конца. Просто хотелось сделать её счастливой. Взять за руку и не отпускать, пока в этих голубых глазах снова не появится свет. И тут пришло осознание – резкое, как пощёчина. Какой же я балбес. Даже номера её не взял. Я резко сорвался с места и побежал на вход в парк. Сердце колотилось где-то в горле, подошвы кроссовок гулко хлопали по асфальту, мимо пролетали смазанные лица людей, разноцветные огни аттракционов, запах сахарной ваты и попкорна – всё это теперь казалось пустым и ненужным. Её уже не было. Я судорожно смотрел по сторонам, выискивая в толпе её золотистые локоны, до сих пор помня, как они струились сквозь мои пальцы. На входе только стояла какая-то буржуйская машина – огромный чёрный Range Rover, лоснящийся в свете солнца дорогим блеском, – которая, стоило мне только её заметить, плавно вырулила на дорогу и растворилась в потоке. Но так не прощаются. Я не мог позволить этому стать просто случайной встречей. Я найду тебя, Ксюша. Найду, потому что не смогу больше забыть. Ты поселилась где-то глубоко внутри, пустила корни в самое сердце, и вырвать тебя оттуда уже невозможно.

В напоминание о вечере я купил в киоске у выхода точно такую же игрушку, как и ей, – того самого нелепого плюшевого котёнка в дурацкой шляпе. Продавщица посмотрела на меня с лёгким недоумением, но я лишь молча расплатился и сунул игрушку в карман. Маленький, мягкий, он лежал словно оберег, связывающий меня с ней. А затем я договорился встретиться с другом – он, ввиду своего образа жизни и привычки превращать каждые выходные в маленький филиал ада, выбрал для встречи клуб. Лето, выходные, конечно же – очередная душная коробка с гремющей музыкой и толпой потных тел.

Но до встречи я вернулся домой. Квартира встретила тишиной и привычным полумраком. Я стянул футболку через голову, собираясь бросить её в стирку, и замер. От ткани доносился едва уловимый, но всё ещё различимый аромат – приятный женский парфюм, её запах. Тонкий, цветочный, с какой-то едва заметной горчинкой, как и она сама. Я поднёс футболку к лицу, вдохнул, и перед глазами снова вспыхнула картинка: она тянется ко мне через столик, запускает пальцы в мои волосы, а в глазах – отчаянная смелость. Я аккуратно повесил футболку на спинку стула. Не стирать. Пока нет. Пусть ещё немного побудет здесь, со мной.

Пару часов я пытался самостоятельно её найти. Открыл на компьютере поисковик, вбил название ресторана, дату – и погрузился в пучину новостных заголовков, полицейских сводок и кричащих статей. Пытался восстановить картину: хостес, охранник и гость. Имя хостес было известно – молодая девушка, не подходит. Охранник – мужчина, его имя мелькало в паре заметок: Константин Борисович, простой человек, никаких громких титулов. А вот имя гостя так и оставалось неизвестным – во всех источниках либо «не разглашается», либо «по просьбе родственников». И это уже о многом говорило. Ксюша была одета достаточно просто: никаких украшений, ни грамма макияжа, ни капли пафоса в словах, золотистые потрёпанные волосы, без укладки и лака. Сомневаюсь, что она какая-то мажорка. А если имя этого гостя скрыто – значит, там кто-то при серьёзных деньгах. Охранник проще – хотя бы имя есть. Ладно, разберёмся. Время пролетело быстро, и пора было выдвигаться.

Я натянул свежую футболку, схватил ключи и вышел из квартиры. Сел в серебристую машину – достаточно старую, но до боли родную японку, Mitsubishi Lancer. Зато своя, заработанная сам, без папиных кошельков и маминых звонков. Двигатель тихо заурчал, я отки-

нул в кресле, выдохнул и поехал к клубу «МЕД». Этот клуб я считал местом отбросов, дном, куда люди приходят не отдыхать, а терять остатки человеческого облика. Но это был любимый выбор Дани. Я, конечно, поддерживал его во всём, старался не осуждать, понимая, что ему хочется вырваться из золотой клетки своих родителей в мир «настоящей грязи», но это место было самым отвратительным из всех возможных. У «МЕДа» стабильно летом, раз в неделю, случались перестрелки или драки, пьяных девчонок, еле стоящих на ногах, увозили в непонятном направлении незнакомые парни. Но сегодня я шёл туда не ради веселья.

Через улицу я оставил машину, подальше от чужих глаз и случайных царапин на дверях. Направился к клубу. У входа стояли два квадратных охранника с закрытыми лицами, а Даня – любитель зацепиться языками и завести знакомство даже с фонарным столбом – весело что-то с ними обсуждал, жестикулируя и заразительно смеясь. Я подошёл, и он обернулся, широко улыбаясь.

– Здорово, Саня! Оторвёмся сегодня. Пошли внутрь, пара шотов за мой счёт.

– Я на машине, не пью, – сразу обозначил я, чтобы у него не было иллюзий.

– А что за срочность?

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, прошли через ленивый досмотр охраны – меня лишь небрежно похлопали по карманам – и сели за барную стойку в дальнем углу, откуда открывался обзор на весь танцпол. Даня сразу по-хозяйски облокотился на стойку и подозвал бармена.

– У тебя же есть знакомые в полиции? – спросил я, перекрикивая басы.

– Ну есть пара, а что? Да расслабься ты, напряжённый какой-то.

– Да нормально всё. Надо одного человека найти, выяснить про него всё.

– Я думал, ты от своей Дианки отойти не можешь, – хмыкнул он, но, увидев мой серьёзный взгляд, осёкся.

Бармен подошёл на поднятую руку Дани – высокий парень с выбритыми висками и усталым, но доброжелательным лицом.

– О, Пашка, привет! Ты что ли сегодня на смене?

– Даня, Саня, – Паша кивнул, узнавая нас, и протянул руку. – Давай тебе без очереди, как постоянному клиенту.

Мы обменялись рукопожатием. Пашка знал наши вкусы, не раз выручал в часы пик, когда у стойки толпилась нетрезвая очередь.

– Мне пару шотов каких-нибудь на твой вкус, но таких, для разгона, – заказал Даня.

– Услышал тебя.

Паша отошёл к батарее бутылок, зазвенели шейкеры. Даня повернулся ко мне, всё ещё ухмыляясь, но уже с любопытством в глазах.

– Так что, кого надо найти? Пока я трезвый – кину клич.

– Слышал о стрельбе в ресторане?

– А, ну слышал. Ресторан «Lilo». Я туда одну Лилу потащил – такой стервой оказалась, себе дороже, – он поморщился от воспоминания. – А тебе зачем?

– Надо узнать всё по семье погибшего там охранника.

Даня не стал задавать лишних вопросов – за это я его и ценил. Он просто достал телефон, быстро пробежался пальцами по экрану, пару минут – и всё.

– Готово. Как ответят – маякну.

Бармен подал пару шотов – янтарная жидкость искрилась в гранёных рюмках, – а я в этот момент попросил сделать мне кружечку кофе. Паша в шутку приподнял бровь.

– Кофе, надеюсь, тебе с коньяком?

– Я за рулём, – отрезал я, но уголки губ всё же дрогнули в слабой улыбке.

Даня опрокинул первую рюмку, крикнул от удовольствия и занюхал рукавом.

– А что такое? Зачем тебе охранник?

– Да я с девушкой познакомился, а номер взять забыл. Единственное, как я могу её найти, – это то, что у неё отец погиб в этом ресторане.

– Это что за девушка такая, раз ты не забыл? – он прищурился с искренним недоумением. Обычно я не гонялся за номерами, тем более так отчаянно.

– Симпатичная.

– А-а, понятно. Задница у неё нормальная? – он плотоядно ухмыльнулся.

– Не знаю. В спортивных штанах была.

– А грудь?

– Не знаю. В объёмной кофте была, – я пожал плечами, сам удивляясь, насколько мне это было неважно.

– Тю, понятно. Отвлекись, посмотри – вон там девчата танцуют, и сиськи есть, и задница нормальная. Я бы уложил ту темненькую, – он кивнул в сторону танцпола, где под ритмичный бит извивалась брюнетка в обтягивающем платье.

Я даже не повернул головы.

– У неё светлые кучерявые волосы, голубые глаза, очень простая и открытая. И есть что-то в ней такое, что манит. Понимаешь?

Даня на секунду замер с рюмкой в руке, а потом медленно поставил её на стойку.

– Ты что, влюбился?

– Может быть.

Я не знаю как, но так умел только Даня. Этот парень обладал сверхъестественной способностью делать сто дел одновременно. Он, общаясь со мной, уже вовсю кадрил ту самую девчонку с танцпола – и она, виляя бёдрами, в сопровождении подруги направилась напрямиком к нам. Даня успел шепнуть мне на ухо, прежде чем они подошли:

– На этот вечер ты о ней забываешь. Спугнёшь темненькую – не помогу.

И я знал, что он не шутит. У Дани были богатые родители, которые позволяли ему всё, – это давало ему такую уверенность и власть над ситуацией, что я не мог с ним спорить. Если я сейчас не дам ему уломать эту девушку, он слово сдержит – помощи с поисками Ксюши мне не видать. Поэтому я молчал почти весь остаток вечера, превратившись в угрюмого статиста при чужом спектакле.

Подружка темненькой девушки, которую звали Настей, оказалась на удивление спокойной и рассудительной. Она представилась Дашей – невысокая, с мягкими чертами лица и умными карими глазами, которые явно видели больше, чем она показывала. Пила в меру, не стремилась напиться до беспамятства, как её подруга. И пока Настя активно общалась с Даней, хохотала и опрокидывала коктейли за его счёт, Даша предпринимала осторожные попытки разговорить меня.

– Я Даша, а тебя как зовут?

– Саша.

– Чем занимаешься?

– Учусь.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Я тоже учусь, на юриста. Мне девятнадцать. Ты не очень общительный, да?

Мне было вообще не интересно. Я старался не спугнуть момент, не сорвать Данин план, поэтому отвечал односложно, уткнувшись взглядом в свою кружку с кофе.

– Нет.

Мы вчетвером вышли из клуба уже глубокой ночью. Город затих, лишь где-то вдалеке завывала сирена, да ветер гнал по асфальту обрывки чьих-то флаеров. Даня, уже изрядно подогретый, заказал бизнес-такси – чёрный Mercedes с кожаным салоном, – чтобы продолжить

вечер с Настей у него дома. Но пьяная Настя вдруг проявила неожиданную заботу о подруге: она, шатаясь на высоких каблуках и едва ворочая языком, вцепилась в мой рукав.

– Данаяя, я не поеду с тобой, пока не убежусь, что Дашечка не доберётся домой в целости и сохранности!

Даня повернулся ко мне, его глаза лукаво блеснули.

– Саш, довезёшь такую прекрасную компанию домой?

Он тихо, почти неслышно, шепнул мне на ухо, напомним про наш договор. Я кивнул. Деваться было некуда. Через пару минут я уже заталкивал друга в такси, убедившись, что он не забыл телефон и кошелек, и, подставив руку, повёл более-менее трезвую Дашу к своей машине. Она ухватилась за моё предплечье и, цокая каблуками на шпильках, иногда спотыкаясь о неровную плитку тротуара, шла рядом. Улицы горели огнями – жёлтыми, красными, синими, – и чем дальше мы отходили от клуба, тем тише становилось вокруг. Редкие машины с гремющей музыкой пролетали по широкому проспекту, оставляя за собой цветные полосы от фар. Я пультом разблокировал двери машины, она приветливо моргнула поворотниками.

– Ты, надеюсь, не пил? – с тревогой спросила Даша.

– Нет.

– ВАУ, у тебя Лансер! Обожаю JDM-машины! – она оживилась, обходя машину и заглядываясь на неё с искренним восхищением. – И номера «мур» – как это мило!

Я старался держать свою машину в хорошем состоянии: кузов блестел, салон пах освежителем, под капотом всё работало как часы. Но я не был особым фанатом японских машин – мне больше симпатизировали немцы, чёткие линии BMW, строгая надёжность Mercedes. Но они пока, пока я учусь и перебиваюсь подработками, не под мой бюджет.

Я посадил Дашу на пассажирское сиденье, придержав дверь, пока она неуклюже забиралась внутрь, поправляя задравшееся платье. Закрыл дверь, обошёл машину и сел на водительское.

– Куда тебя везти?

– Я думала, мы к тебе поедem, – промурлыкала она, повернувшись ко мне и облокотившись на подлокотник с самой соблазнительной улыбкой, на которую была способна.

«Много думаешь», — пронеслось у меня в голове.

– Не сегодня.

Даша назвала адрес, я ввёл его в навигатор, и мы выехали. Всю поездку она смотрела то в окошко, где проносился ночной город, то на меня – изучающе, с каким-то непонятным мне интересом. Пятнадцать минут по почти пустому спящему городу, мимо тёмных витрин и редких прохожих, и я остановился у её подъезда – старой девятиэтажки с облупившейся краской на стенах.

Я хотел открыть дверь, чтобы выйти, но она резко дернулась вперёд и захлопнула дверь обратно, растянувшись через меня так, что её волосы упали мне на колени, а от запаха её духов стало душно. Её рука нервно, дрожащими пальцами потянулась к моей ширинке. Я сначала опешил, просто застыл на секунду, не веря в происходящее.

– Что ты делаешь?

– Извините, уважаемый таксист, но мне нечем расплатиться, – проговорила она с пьяной игривостью, расстёгивая пуговицу на моих джинсах.

Она достала его из трусов, и начала водить рукой вверх-вниз, судорожно, механически, будто выполняла какую-то заученную программу. Я же был совершенно не возбуждён. Особенно такой наглой, пьяной девушкой из клуба, которая, похоже, не знала другого способа сказать «спасибо». Но что можно было ожидать от девушки из «МЕДа»?

– А вот это не нужно.

Я жёстко, но аккуратно отодвинул её обратно на её часть сиденья, заправил всё обратно, застегнул ширинку и вышел из машины, хлопнув дверью чуть громче, чем требовалось. Какая

же дура. И тут в голове, словно награда за мою выдержку, вспыхнуло воспоминание. Она – Ксюша – смелая и отчаянная одновременно, тянется ко мне через столик в парке, запускает пальцы в мои волосы, а на губах ещё тает вкус черничного мороженого. Мягкие шелковистые волосы под моей ладонью. «Коротышка», – шепчу я про себя, и в груди разливается тепло. Я открываю дверь Даше. Она гордо подняв голову, выходит, поправляя платье, и с неожиданным уважением говорит:

– Я так и подумала, что ты джентльмен. Но не думала, что сдержишься, когда я настырно полезу.

– Тебе лучше выспаться. Иди.

Она сделала шаг, но потом обернулась и, подойдя ближе, шепнула мне почти в губы:

– Ну и зря. Я же вижу, у тебя встал.

Развернулась на каблуках и ушла, цокая по асфальту, прямая и гордая, словно это она одержала победу. Какая самонадеянная. Это не из-за неё. Это уж я точно знаю. Я сел в машину и поехал домой – выспаться, но мысли ворочались в голове, тяжёлые и беспокойные. Ночной летний город дышал прохладой, в открытое окно залетал ветер. Мимо меня промчалась группа мотоциклистов – рёв двигателей пронёсся совсем близко, вибрируя в груди. Ночной город весь сиял в ожерелье ночных огней. Мой чёрный Mitsubishi Lancer бархатисто урчал и мягко вилял вдоль дороги, пока на очередном перекрёстке я не остановился на красный. Рядом пристроились ещё двое мотоциклистов. Сине-белый Suzuki GSX – парень за рулём чуть откинулся назад, оперев руки на колени пассажирки, а девушка сзади изящно выгнулась и закинула руки ему на плечи, прижимаясь всем телом. Всё это выглядело как какая-то далёкая, почти нереальная мечта. Они смотрелись так красиво и безмятежно в своём естестве – единое целое, связанное скоростью и ветром. Когда светофор отсчитал последние секунды, парень опустил руки на сцепление, опустил лапку передачи вниз – я заметил это машинально, профессионально, – и, как только загорелся зелёный, рванул вперёд, растворившись в ночи, оставив за собой только раскатистый рёв двигателя. Однажды и со мной будет та же свобода. И девушка. И, может быть, именно та, чьи золотистые волосы я до сих пор чувствую на кончиках пальцев.

Я добрался до дома, поднялся в квартиру и, не раздеваясь, упал на кровать, глядя в потолок. В кармане куртки всё ещё лежал плюшевый котёнок в шляпе – маленький и смешной, как моя надежда. Остаётся только ждать, когда Даня скинет всю нарытую информацию. Я тебя найду, Ксюша. Мы обязательно ещё встретимся.

ГЛАВА 3

Машина покинула парк. Я сжала игрушку в руках. Было хорошо, но пора возвращаться в реальность. Мы припарковались у большого стеклянного здания. Офис нотариуса, был на десятом этаже. Бабушка меня как маленькую бодро вышагивая уводила в глубь кабинетов. Полу-стеклянная дверь с номером кабинета. Девушка секретарша с убранными в хвост волосами, улыбнувшись спросила.

– Здравствуйте, вы записаны?

– Да я Шевцова Екатерина Игоревна. Девушка улыбнувшись еще сильнее проигнорировав пару человек ожидавших своей записи, провела нас в кабинет. Статный мужчина в костюме изучил взглядом бабушку.

– Здравствуйте Екатерина Игоревна, присаживайтесь.

Бабушка села, шоколадное платье блеснуло переливом, а кремовый пиджак строго прикрыл этот десерт.

– Хотелось бы обсудить право наследования, у меня достаточно много вопросов.

Бабушка раскрыла свою любимую кожаную сумку с белой фурнитурой, несмотря на достаточно большой возраст сумка совсем не потеряла вид. Из нее она вытащила ежедневник ручку и футляр очков. Нотариус разглядывал все ее действия. Бабушка даже не глядя в его сторону одела очки.

– Вы так запомните?

– Да у меня прекрасная память.

Бабушка начала зачитывать подготовленные вопросы, завитки ее идеального подчерка говорили за нее.

– Кому в случае смерти передается недвижимость?

– Кем вам представляется умерший?

– Мне Сыном, а девушке Отцом.

– Вся нажитая недвижимость передается поровну Дочери и вам, если нет других наследников первого порядка, и нет завещания.

– Завещания нет, хорошо, а бизнес? Мой сын владеет... точнее владел и управлял своим бизнесом самостоятельно. Бабушка чуть нервно поправила прибранные локоны волос.

– Если ваш сын владел ИП то оно автоматически закрывается и придется для продолжения работы открывать новое, если ООО то акции делятся поровну между вами, управление бизнесом при три о, осуществляется только с согласовании всех крупных акционеров, так же вы имеете полное право назначить человека управляющего вашей долей и долей дочери с согласования всех акционеров.

– У него было ООО. владел он всеми акциями.

– Значит между вами поровну.

– Через сколько после смерти передается наследование?

– Шесть месяцев.

– А если я хочу все что есть отдать внучке, но бизнес поделить больше в свою пользу мне семьдесят процентов.

– Это можно сделать только если обе стороны первое согласны и при вступлении в силу права наследования.

– Я вас услышала спасибо, то есть пока не прошло время мне не понадобятся ваши услуги.

Я все это время смотрела в окно, как солнце играет с листьями, а строгие дома с вензелями ютятся с величественными зданиями стиля модерн. Машины нескончаемым потоком проезжали тесные улицы вылетая на широкий проспект.

– Подождите для полной точности я должен сделать запрос что завещания действительно нет, для этого мне нужны паспортные данные умершего и свидетельство о смерти, так же заявление от вас двоих о принятии наследства.

Бабушка достала из сумки паспорт папы, свидетельство о смерти и мое свидетельство о рождении.

– Можем ли мы пока без заявления узнать? мы имеем на это полное право.

Нотариус что-то ввел в компьютер и тяжело выдохнул.

– Завещание есть, и есть ее электронная копия, и судя по этому документу, Екатерина Игоревна ничего не получите.

Я отвлеклась от окна. Папа написал завещание?

– Почему?

– Видите ли, по закону даже если написано завещание вы как пенсионерка получите не менее одной четвертой части всей недвижимости, а вот с фирмой сложнее, при жизни ваш сын оформил наследственный фонд именно на Ксению, в данном случае она не может даже передать ни одной акции другим наследникам, на самом деле очень грамотный подход.

– То есть я правильно понимаю это безопасность от...

– Да вы правильно понимаете это безопасность чтобы самое главное досталось только одному человеку и даже в случае незарегистрированных детей они не имели права наследования фирмы.

Что? у папы есть какие-то другие дети? Он сделал так чтобы только я получила наследство фирмы.

– Но через шесть месяцев Ксения может передать вам управление, но советую проконсультироваться с генеральным директором и изучить устав фирмы чтобы не было других запретов, а пока Екатерина Игоревна, прошу покинуть кабинет, требуется личная беседа с наследником фирмы.

Бабушка с невозмутимым лицом погладила меня по плечу и вышла.

– Мне придется управлять фирмой. Я частично не понимала что это все значит.

– Ксения Валерьевна, понимаю вы в смятении, но в связи с раскрытыми данными вы для благополучия фирмы должны кого-то назначить за себя пока не вступили в наследство, когда сделаете свой выбор обратитесь в любую нотариальную контору для назначения.

– А после вступления, я буду должна ей управлять?

– Не обязательно, вы имеете право передавать и продавать акции как пожелаете.

– хорошо

Нотариус проводил меня по двери, бабушка, кратко поблагодарила и по прощалась. Оплатила консультацию и мы вышли на улицу, прохладный серьезный воздух поменялся на теплый вечерний ветер лета. Я не справлюсь с бизнесом отца, а бабушка сможет, она умная рассудительная. А я, я просто девушка которой по случайности все это досталось.

– Мне нужно организовывать похороны, Ксюша ты справишься, главное не вешай нос.

– Можешь меня отвести в фирму отца мне нужно передать управление кому то пока я не смогу передать акции тебе.

– Не нагружай себя слишком сильно, у всех уже закончился рабочий день, давай домой отдохнешь выспишься.

Я только кивнула, слишком много информации на сегодня.

Я смотрела на дорогу машины листья люди все они смешались в единый неосознаваемый кисель, не хотелось обращать внимание ни на какую деталь, солнце заходило на закат, водитель резко притормозил и ели сдержав мат посигналил. Бабушка строго спросила, что произошло.

Водитель кратко с характером ответил.

– подрезали, совсем обнаглела молодежь

Я перевела взгляд с окна на дорогу впереди, серебристая машина с номерами М***УР, вырвалась найдя окно и вилля меж машин скрылась.

Добравшись до дома бабушка поцеловала меня в лоб, я поднялась на этаж, открыла дверь, пустая темная квартира. Я практически ничего не ела весь день, на меня напал жуткий голод, стянула обувь. И побрела по плитке на кухню. Насыпала из кастрюльки остатки пасты с сырным соусом и курицей. Поставила в микроволновку. Через минуту достала теплое блюдо и села на барную стойку. Мы с отцом постоянно ели только за ней, даже шутили что надо стол убирать и на его место ставить две кресло качалки и маленький кофейный столик.

Квартира была большой свободно чистой и до боли пустой. Ни единого звука. Мне стало страшно и больно, папа всегда ужинал со мной, мне придется учиться делать это в одиночестве. Я быстро закинула в себя ужин чтоб живот не урчал и больше не требовал, ни вкуса ни запаха, я просто не почувствовала, пустота слишком давила. Доев закинула посуду в посудомойку и пошла в свою комнату. Совмещенная кухня с гостиной. Ванна отдельно с туалетом. Три комнаты слева от входа. Две спальни моя и папы, и кабинет.

Моя комната имела зеленые оттенки, в сочетании с темным деревом. Панорамные окна в пол как и во всех комнатах. Я подняла шторы рулетики. Села на пуфик у окна и смотрела на дорогу внизу. В секунду слезы потекли из глаз. Я утирала их пока кожа не начала гореть. Я с этим справлюсь? Саша мне сказал что хуже уже не будет, очень в это хотелось верить. После тяжелого дня я приняла быстрый душ и упала на кровать сразу же уснув.

Темная улица парка. Я шла босиком холод тянулся и лип к ногам кусая холодные кончики пальцев. Было так темно, я разглядела набережную и подошла к железным мокрым перилам, чуть перевалилась через них смотрела на воду. Вода была черная словно нефть, тягучая недвижимая, оглянулась. Деревья замерли и будто даже не дышали каждый кустик травинка. Ничего. В кустах я заметила силуэт и блеск глаз, за мной кто-то следил пристально смотрел. Я чуть отшатнулась назад. Липкие мокрые перила охладили спину. Силуэт чуть дернулся вперед на меня. Дыхание участилось, сердце заколотилось как бешенное, слезы накрыли глаза я стала видеть чуть хуже. Ноги сами понесли меня как можно дальше от этого места. Я оглянулась силуэт уже был на дороге и просто смотрел в след. Я чуть дрогнула и стала бежать дальше. Вроде оторвалась. Я остановилась чтобы отдышаться. Руки судорожно тряслись. Что это было? Рука схватила меня за шею горло сдавил ком, я будто бы окаменела не могла пошевелиться. Дыхание совсем у самого уха. Он убрал руку с горла, но я все так же не могла сделать ни шага. Боль дрожь дыхание, сердце пыталось вырваться. Я только смотрела как тень встала прямо передо мной, обожжённое лицо улыбалось, страшная улыбка и блестящие глаза черное лицо все в ранах. Оно коснулось слезы текущей из моих глаз и резко вдавил палец в свое лицо в то же место, кожа провалилось словно стала угольной так легко, уголки губ опустились вниз, он стал парадировать меня. Весь судорожно тряся. Я упала на дорогу он повторил за мной. Сердце все так же колотилось. У меня прям под рукой оказался плюшевый кот который подавил Саша, я сжала его. Закрыла глаза и стала молить.

– Помоги мне, прошу пожалуйста мне страшно.

Тень шипя повторяла все за мной, передразнивая. Я только слышала. Не хотела видеть. И тут все в моменте стало светло и так тепло. Руки подняли меня на ноги. Я открыла глаза и передо мной стоял он растрепанный, под летним солнцем с теплой улыбкой. В парке аттракционов. Шум листьев. Он мне нежно.

– Не бойся коротышка я рядом. Он нежно утер мои слезы и обнял, я закрыла глаза и наслаждалась моментом.

Открыла а я в кровати скомканное одеяло солнце в окне. Это был сон? В руке у меня была сжата игрушка плюшевый кот. Я догадалась. Иногда я хожу во сне. Наверное и сегодня это случилось. Но очень жаль что Саша рядом это всего лишь сон.

ГЛАВА 4

Уже было ближе к обеду. Я первым делом проверил телефон: Даня ничего не написал, но был в сети. Я быстро напомнил ему о своей просьбе — той самой, которую он обещал выполнить ещё вчера, — и ушёл в душ. Горячие струи били по плечам, но я почти не чувствовал их — все мысли были заняты ею. После освежающего душа снова проверил телефон. Даня ответил: «У меня есть связи в полиции, в ГАИ, но это уголовка — там у меня связей нет». Я бросил телефон на кровать и закрыл лицо руками. Значит, всё придётся рыть самостоятельно. Ну и пусть. Я справлюсь. Я должен справиться.

Собрался и поехал в ресторан «Lilo». Может, там хотя бы скажут фамилию. Зацепку. Хотя что-то. Серебристый капот машины блестел на солнце так, что слепило глаза. Жара стояла невыносимая, кондиционер не спасал. Я щёлкнул кнопку — в салоне стало чуть тише, — приоткрыл окно, и горячий ветер обдувал волосы, путал мысли. Припарковаться в центре было непросто, но, покружив по дворам, одно местечко я всё же нашёл. Заглушил машину и бросил на торпеду визитку — она полетела прямо под самое стекло. Махнул рукой: потом достану.

Ресторан встретил меня дорогой мебелью, цветами в высоких вазах, напыщенными гостями и перекачанными девушками, которые на всех смотрели свысока. Они тонкими вилочками с вензелями насаживали листья салата и раскрывали рты, чтобы затолкать туда зелень. Смешное зрелище. Не сравнятся с Ксюшей, которая даже мороженое ела красиво — без всей этой показной элегантности, просто и естественно. Меня остановила хостес.

— Здравствуйте. У вас забронировано?

— Нет. Можете позвать кого-то из охраны?

— Что-то случилось? — она смотрела на меня так же свысока, оценивая мой простой наряд, явно не соответствующий уровню заведения.

— Нет, просто позовите.

Девушка отошла и через минуту вернулась с мужчиной средних лет — в костюме, жилистым, с цепким взглядом. Хостес тем временем встречала других гостей с натянутой улыбкой.

— Чего тебе, молодой? — спросил охранник, и в его голосе не было ни капли дружелюбия.

— Не так давно тут была стрельба.

Мужчина напрягся, мгновенно отвёл меня в сторону и тихо, но грозно показал кулак:

— Репортёры, как вы, бесите. Пошёл отсюда вон.

— Стоп. Я не репортёр. — Я выбрал самую простую тактику: сказать правду. — Понимаете, такое дело... я встретил очень красивую девушку. Она сказала, что её отец погиб тут. Я даже номера её не взял и очень хочу её найти. Можете дать хотя бы ФИО охранника, который погиб?

Охранник резко выпрямился, сделал шаг назад, и его взгляд подобрел — мгновенно, как по волшебству. Даже морщины на лбу разгладились.

— Интересный ты парень. Чего сразу не сказал, что дела амурные? — он чуть толкнул меня плечом, почти по-дружески.

— Да как-то не успел. Я Саша.

— Володя. — Он протянул руку для рукопожатия, и я ответил крепко, как учил отец. — Костя... Костя хорошим мужиком был. Прямо мужик долга и чести. Его ФИО: Штахоновский Константин Борисович.

Я записал в телефон и показал охраннику. Он кивнул, и в его глазах мелькнула тень грусти — видимо, они были неплохо знакомы.

— Спасибо. Надеюсь, мне это поможет. А адрес, например, где он жил, нет?

– Ну ты сильно не наглей. Мне и ФИО тебе говорить было нельзя. Иди, удачи тебе — девушку найти.

– Спасибо. А машина у него была?

– Так, пацан, я твою просьбу по своей воле выполнил. Дальше — уже не твоё дело.

– Ладно, спасибо. До свидания.

Я вышел на улицу, чувствуя, как адреналин понемногу отпускает. Уже у выхода меня догнала девушка-официантка — молоденькая, с конским хвостом и добрыми глазами. Она оглянулась по сторонам и заговорила быстро, вполголоса:

– Сзади здания — закрытая парковка персонала. Его машина, чёрный «Акцент», она там одна такая. Вы сразу узнаете.

– Спасибо. За что такая щедрость?

– В наше время достаточно мало таких парней, как ты. Мало того, что на улице познакомился, так ещё и не забыл её. Большинство бы просто забило. Ладно, я побегу, пока меня не потеряли.

Я улыбнулся и помахал ей. Теперь у меня две зацепки: машина и ФИО. Шансов больше. Я обошёл здание, прошёл через шлагбаум и среди всех машин на парковке нашёл чёрный «Акцент» — скромный, старенький, но ухоженный. Переписал номера, на всякий случай сфотографировал. И вышел. Номера оказались другого региона. Твою ж... Это плохо. Очень плохо. Она может быть уже не в городе.

Пока шёл по улице, быстро бросил сообщение Дане: фото номера машины и просьба узнать адрес или номер телефона — всю возможную информацию. Дания ответил почти сразу: «Чел, ты с ума сошёл?»

Может быть, и сошёл. Определённо сошёл.

Я сел в машину и выехал. Уже дома включил компьютер и начал искать в соцсетях. «Штахововская Ксения» — фильтр по нашему городу ничего не показал. Она могла указать и другой регион, например тот, в котором родилась. По этому запросу — тоже ничего. Стал искать по имени и фамилии отца. Опять ничего. Скрытные какие-то люди. Или просто не сидят в соцсетях. Через несколько часов бесплодных поисков — глаза уже болели от монитора, в висках стучало — Дания наконец ответил: скинул ФИО, ПТС, страховку и адрес прописки. Хоть что-то. Я ответил: «Спасибо». Адрес прописки оказался действительно в другом городе. На другом конце страны.

Я зашёл в тупик. Как мне её найти? Это казалось нереальным. Решил зайти на популярный паблик нашего города — может, там хоть что-то. И не заметил, как уснул прямо в кресле.

Звонок телефона напугал меня, я вздрогнул и едва не свалился на пол. Звонок от Дани.

– Нашёл девчонку?

– Нет. По фамилии в интернете ничего.

– Ладно, братишка, помогу тебе ещё раз. Помнишь Дианку?

– Ты издеваешься? Моя бывшая?

– Да. Она офигенно мне помогла найти пацана, который мне машину поцарапал. Обратись к ней — девушки ещё те сыщики.

– Я лучше застрелюсь, чем попрошу её о помощи.

– Ну ты подумай хорошо.

Я завершил звонок и пролистал телефонную книгу до абонента «Диана». Бывшая. Это безумие. Я потушил экран. Она мне изменила, а я — как сохнувший мальчик — чуть что, к ней? Я же не идиот.

Уже вечерело. Я весь день пытался найти хоть что-то — и не получилось. Разблокировал экран. И нажал набор.

– Привет, Саша, — она сладко залепетала в трубку, растягивая гласные. Я выдавил из себя остатки манер.

– Привет.

– Ты по мне соскучился?

Уж точно нет, и не надейся, стерва.

– Мне нужна твоя помощь.

– Ого. Я нужна тебе? Я не ослышалась?

– Нет.

– Хорошо. Через час подъеду к тебе. Ты же по тому же адресу?

– Да.

Положил трубку. Я идиот. Полный и окончательный.

Через час в дверь постучались. Черноволосая, с красными покрашенными губами и длинными ресницами, в мини-юбке и на каблуках, она залетела в квартиру, наполнив прихожую запахом тяжёлых духов. Раньше я бы сорвался на неё, прижал к стенке, а сейчас просто стоял в домашних штанах и тапках и ждал. Она посмотрела на меня и заулыбалась, а потом, не спрашивая, повисла на моей шее и обняла.

Я аккуратно, но твёрдо отодвинул её.

– Я не готов с тобой к тесному контакту.

Она дрогнула, улыбка исчезла.

– Это игра такая? Я что-то не поняла.

– Я позвал тебя не за тем, чтобы мы вместе на кровати развлекались.

– А зачем? — она удивилась ещё больше и наклонила голову, как птица.

– Мне нужна помощь. Надо найти одну девушку.

– Ты меня позвал к себе, чтобы я помогла тебе найти какую-то девушку?

– Да.

– Ты не скучал?

– Нет. С чего бы? Ты мне изменила, я порвал с тобой и забыл.

– Ты же даже друзьями не согласился остаться.

– Хорошо. Мы теперь друзья. Друзья помогают своим друзьям.

– Ладно. Ну и зачем я наряжалась, если ты мне теперь друг?

– Не знаю, к тебе вопросы. Я в домашнем.

Я провёл её в комнату, усадил за компьютер.

– Смотри. У меня есть фамилия, имя, отчество отца и адрес прописки. Мне нужно, чтобы ты нашла, где она живёт сейчас, или её соцсети, или номер — хоть что-то.

– Она симпатичная?

– Очень.

– Симпатичней меня?

– Ты, как и все мои друзья, — человек без пола, в котором я не заинтересован в романтическом плане. Вопрос симпатии входит в этот план.

Она выдохнула с лёгким разочарованием, но быстро взяла себя в руки.

– Окей.

Диана изучила информацию и открыла карты, введя адрес. Я наблюдал за тем, что она делает, и чувствовал смесь восхищения и лёгкого ужаса. Она комментировала каждое действие, как опытный детектив:

– Ну, это просто. Учись. Смотрим ближайшие школы к её адресу прописки, потом заходим на сайт школы. Сколько ей лет?

– Двадцать один.

Она чуть сдержала смешок.

– На постарше потянуло? Ладно. Смотрим списки выпускников девятых классов — пять и шесть лет назад. Тут нет. Значит, одиннадцатых классов: выпуск три года и четыре года назад. А вот и Штахоновская К. К.

– Я вас, девчонок, боюсь порой... Хорошо. Социальные сети?

– Тут сложнее. Она могла поставить другую фамилию, имя и так далее, но я попробую. Начнём со школы. В одиннадцатом «В», если посмотреть по спискам, была учитель Егорова Ирина Ивановна. Находим группу школы, так-так... Вот и группа школы. По спискам ищем Егорову.

Она листала списки, я вместе с ней искал фамилию и в какой-то момент выпалил:

– Стоп! Вот она.

– Молодец. Ну, обычно у выпускников остаётся какая-нибудь группа. Пишем: «Здравствуйте, Ирина Ивановна, я выпускник одиннадцатого „В“ три года назад, подскажите, осталась ли группа выпускников? Хотелось бы пообщаться с одноклассниками, а у меня всё сле-тело, пришлось делать новый аккаунт, и группа не сохранилась». Всё, удочка заброшена. Она либо помнит этот выпуск и спросит, кто это, либо просто скажет: «Да, конечно», — и добавит тебя в группу.

– Так у меня будет её аккаунт?

– Да, но, повторюсь, не факт. Поэтому — вариант два. Пока учительница отвечает, мы поищем, куда она поступила.

– Скорее всего, в наш город.

– Да, это очевидно. Ищем списки на экономическое направление... Так, три организации. Недолго придётся. Ну и по каждому смотрим списки поступивших в год её выпуска. Сделай мне чай, а то в горле пересохло.

Я отошёл на кухню. Поставил чайник, достал кружку, кинул в неё пакетик зелёного чая и две ложки сахара. Как только чайник вскипел, залил половину кипятком, подождал немного, выбросил пакетик, размешал сахар и долил холодной воды. Всё это вышло автоматически — руки помнили. Диана попробовала чай и удивлённо подняла брови.

– Заварил точно, как я люблю.

– Привычка, — я пожал плечами.

– Мне нравится. Ладно. Учительница ответила и добавила нас в группу. А ещё я нашла её в списках поступивших на экономическое.

– Так. И что дальше?

– Смотрим в чате кого-то с подходящей фамилией.

Она пролистала участников группы, затем перешла на сайт университета. Я нахмурился.

– Что такое?

– Фамилии подходящей нет. Значит, вариант два: ты сам ищешь преподавателей на её курсе и выпрашиваешь номер у них или у одноклассников. А я допиваю чай, и мне пора домой.

– Спасибо за помощь.

– Давай, пока. Удачи.

Дверь захлопнулась. Я остался один в тишине квартиры. На экране компьютера были открыты десятки вкладок — школа, университет, соцсети, карты. Где-то среди этих цифр и букв пряталась она. Ксюша. Я потёр уставшие глаза и продолжил поиски. Где-то там, за этими строчками, была ниточка. И я её найду. Чего бы мне это ни стоило.

ГЛАВА 5

После стрессового сна, захотелось еще полежать, просто смотреть в потолок, но зазвонил телефон.

– Привет Ксюшенька, ты проснулась?

– Да бабушка.

– Сегодня поедem в фирму отца, там собрание директоров, все ждут нас через два часа.

– Хорошо я пойду собираться, ты во сколько заедешь?

– Солнышко я не успею за тобой дел много, позвони водителю отца.

– Хорошо.

Я пролистнула контакты до водителя и набрала.

– Здравствуйте Ксения

– Привет дядя Жора.

– Что-то хотела?

– Да можете довести меня до офиса папы? мне нужно там быть через два часа.

– Простите Ксения, но я не могу, организация в которой меня нанял меня ваш отец написала что я теперь работаю на другого человека, даже со всем уважением к вашему отцу, я сейчас на линии и не могу покинуть ее, вы же знаете следят за этим строго.

– Дядь Жора, я обязательно верну вас в нашу семью.

– Был бы очень благодарен, ваш отец и вы, далеко не такие избалованные как мои нынешние наниматели.

– В любом случае спасибо вам за службу, я займусь этим.

Значит сегодня водитель это я, права у меня есть ничего я справлюсь. Полежала еще минут пять, и пошла, надо собраться, умылась, почистила зубы. Выйдя из ванны, чуть не вскрикнула, плитка была до ужаса холодной, я потерпев немного добежала до контроллера, поставила на подогрев теплые полы 30 градусов. Дошла до кухни, сегодня пятница, я всегда готовила утром блины, папа по пятницам и средам работал из дома. Я приносила ему только испеченные блинчики в кабинет. Мы ели их вместе. Я не нарушая традиции достала яйца молоко, два мерных стаканчика и муку, пока замешивала тесто, поставила блинную сковороду греться. Тридцать минут и было готово, я пришла в пустой кабинет отца, шторы были опущены, и был запах бумаг и духоты. Я открыла шторы, подвинула свое кресло и начала есть, предвкушая приятный молочный вкус с чуть кислым вишневым джемом откусила кусочек и не почувствовала ничего...

Я прибежала в кабинет, с блинчиками и джемами, папа улыбнулся и подставил палец к губам, чтобы я была тише, строгие серьезные разговоры, тендеры, инфляции, закупки. Я ничего не понимала. Папа чиркнув что-то в блокнот. Сказал

– Приму меры для избежание, озвученных вами вопросов, массовой рассылкой в почту, так же вышлю требования от вас и планы на текущий месяц, всем до свидания.

Все поочередно покидали конференцию. Папа нажал кнопку и сказал.

– Блины уже готовы? умираю с голода.

– Какие все там дядьки серьезные.

– Да у нас сейчас период очень тяжелый, повышение налогов, из-за сокращения штата, тяжелее выиграть тендер, государственные постройки вообще пока в недостижимости.

– Почему?

Папа запихав большой кусок блинчика, прожевал, и сказал.

– Да потому что, в мире бизнеса важна еще и власть, ты не представляешь сколько налоговых и проверок по технике безопасности на меня насылали богатые дядьки из правительства, а все потому что я им акции не продаю, но ничего справлюсь.

– Ты так много, знаешь и помнишь.

– О поверь мне кнопка, я много чего не помню и не запоминаю, главное я записываю, сделал что-то написал что именно, все в этом блокноте.

Мы с папой управились с блинами в два счета, он обтер руки о салфетку и сказал.

– В бизнесе все серьезно строго и это требует полного погружения, может ты однажды займешь мое место, и будешь всех этих наглых дядек гонять.

– А бывало ли что тебя подставляли?

– Пытались и не раз, главное перечитал текст, все нормально? отложи на пять минут и проверь еще раз, совет никогда не подписывай документ сразу, точно упустишь что-то.

– А какой еще бизнес совет, я хочу еще?

– Хорошо, никогда не давай смотреть на себя с висока, иначе попытаются тебя сдвинуть.

– То есть?

– Ну например пришли к тебе в кабинет положили бумаги на стол, и сказали подпиши, а ты сразу.

Папа сделал серьезный вид, густые черные брови нависли над глазами, он хоть и сидел ниже меня все равно смотрел с висока. Взяв в руки документ, глянул на него. Строго произнес как гром, со мной он никогда так не говорил.

– Это что? Я подыграла.

– Вам нужно подписать.

– Я изучу, выйдете из кабинета.

– Нет прямо сейчас подпишите.

– Я изучу документ, покиньте кабинет.

Он сказал как отрезал, стало действительно не комфортно, будто бы тучи заволокли кабинет, а вдали слышался гром, если я не уйду молния паразит меня.

Папа улыбнулся.

– Поняла кнопка, а сейчас все мне пора дальше работать. С нежностью в голосе, небо и земля, строгий вид быстро растаял. Мой отец сильный и влиятельный.

Я ела блины тихо всхлипывая. Осталась только его половина. Я утерла слезы забрала тарелку и вышла. Сегодня у меня встреча с этими дядьками которые чуть что готовы съесть меня и не подавится.

Причесала волосы в тугой хвост, концы слегка завила. Сделала макияж, стараясь скрыть детские черты, строгие стрелки, уделила внимание бровям, чуть темнее чем у меня. Поработала скульптором. В зеркале на меня смотрела сильная строгая женщина, но внутри я все та же растрепанная, заплаканная девочка.

Принарядилась в черный брючный костюм, он сидел идеально, рубашка с жилеткой, выглядели строго. Но не хватало только одного я хотела быть похожей на папу, пошла в его комнату, заглянула в гардеробную и достала его любимый галстук. Начала собирать сумку. Ручка папин блокнот, документы и ключи от машины. Обычно меня возил водитель, но иногда за руль садилась и я у меня неплохо это получалось, я прекрасно чувствовала и машину и дорожную ситуацию.

Эту машину тем более подарил мне папа на двадцатилетие, Белая ауди ТТ. В принципе маленькая симпатичная достаточно женственная машина. Я вышла на минусовом этаже, и дошла до припаркованной белой красавицы, села и выехала с подземного паркинга.

К назначенному времени я пересеклась с бабушкой и мы зашли в офисное четырехэтажное здание, все это здание принадлежало отцу, это только мозг фирмы, руки и ноги это еще сотрудников может человек пятьсот, крупная строительная фирма, строящая здания с нуля.

Четвертый этаж, бабушка, нежно посмотрела меня перед входом в комнату совещаний.

– Не бойся внушка, я буду говорить, ты можешь просто слушать.

Я кивнула, немного нервничала, но старалась не показывать никаких эмоций, зашла в кабинет я с высокомерием. Бабушка начала.

– Здравствуйте, в связи с кончиной моего сына, хочу сообщить вам...

Бабушку перебил мужчина.

– Подождите, могу задать важный юридический вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.